

ИНТЕРФЕЙС: НЕИРОСЕТЬ ЗАХВАЧЕНА
ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: S-23-7
ДОСТУП: ЧАСТИЧНЫЙ

СИГНАЛ: НЕСТАБИЛЬНЫЙ
АРТЕФАКТ: КЕОН
СОСТОЯНИЕ: РАСПАД

АНАТОМИЯ
РАСПАДА

АЛЕКС ТИЛЬ

18+

Алекс Тиль

Анатомия распада

<https://litres.ru/73996724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Екатеринбург, девяностые. Город трещит по швам: в больницах не хватает элементарных лекарств, на рынках правят бандиты, а за грязным стеклом панельных подъездов прячутся чужие миры. Алексей Ковалев, уже закаленный жизнью и расчетливый студент второго курса мединститута, застревает в лифте и сталкивается с умирающим посланником древнего Бога Справедливости. Случайный рефлекс - и Алексей получает не просто метку участника Королевской Арены, а сломанный нейроинтерфейс, способный видеть слабые места людей и самой реальности. Теперь за ним охотятся Ад, Рай и Комьюнити - карточные администраторы судьбы, которым не нравится смертный, сыгравший не по правилам. Каждая ночь превращает Екатеринбург в арену, каждая победа делает Алексея сильнее и опаснее. Но самая страшная ставка - не жизнь. Осколки распавшегося Бога пытаются собрать себя через него, соблазняя силой, порядком и правом судить. Чтобы выжить, Алексей должен отказаться стать богом.

Содержание

ПРОЛОГ. АРКОСТРА	4
Глава 1. МЕТКА	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алекс Тиль

Анатомия распада

ПРОЛОГ. АРКОСТРА

Прошли сотни тысяч лет с того момента, как родился план, по обходу ограничений создателя, я не сосредотачивался на счёте, ведь время для таких, как я, всего лишь тягучая рябь на поверхности вечности.

И всё же эти тысячелетия - срок достаточный, чтобы вплотную подойти к реализации идеи. Я ждал. Я, буквально, пересобрал себя по крупичам, как дивную по красоте мозаику, размером с галактику: медленно, терпеливо, почти любовно. Я отвоевывал силу у пустот, у трещин между планами, у забытых потоков энергии, которые не замечают, особенно те, кто привык править из центра и смотреть только вверх.

Я научился жить и творить там, куда не падает Его взгляд. Это было унижительно лишь поначалу. Потом - полезно.

Тот, кто однажды лишился почти всего, начинает видеть мир не как творение, а как механизм. А механизм всегда можно вскрыть. Нужно только понять, где в нем слабые места. Я их нашел.

Я умышленно уходил от внимания равных по силе, ломал

границы между слоями бытия, прятал следы своей работы, учился касаться причин, не тревожа последствий. То, на что уходят эпохи, я делал в тишине, в добровольном изгнании, в пространстве, которое для высших и равных было почти неразличимым мусором мироздания.

Именно там, в неприметном пространственном кармане, я создал свой собственный план бытия - Аркандор.

Не просто убежище. Не просто территорию, где можно лишь тихо жить и пересчитывать крохи могущества. Нет. Я создал лабораторию воли. Мир, выстроенный по моему расчету и подчиненный моему замыслу. Мир, который дышал благодаря мне и существовал, потому что я так решил.

Я населил его разумными. Не куклами, не жалкими отражениями чужих рас, а существами, достаточно сложными, чтобы не быть скучными, и достаточно ограниченными, чтобы не представлять угрозы. Я дал им историю, страх, веру, тягу к власти, жажду любви, стремление к порядку, вкус к разрушению - все, что делает разум пригодной средой для роста силы.

Я удерживал равновесие этого мира веками. Перестраивал потоки. Перекраивал законы. Исправлял сбои. Гасил вспышки хаоса. Вскрывал тупики эволюции и запускал новые линии развития. Я даже начал замечать, как прибавляет моя мощь – я, наконец, сдвинулся с мертвой точки. Почти дотянулся до границы, за которой начинается качество, а не количество.

Но слово «почти» с некоторых пор стало меня оскорблять. Нет. Меня это больше не устраивало. Мне нужен был прорыв, которого от меня никто не ждал.

Не просто рывок к новым вершинам - он унизителен уже самой своей логикой. Не накопление, это путь ремесленников. Мне требовалось изменение ранга. Переход. Такой скачок, после которого даже Создателю пришлось бы признать: Бог справедливости и порядка не просто вырос, а стал чем-то иным, чем был прежде. Чем-то, что нельзя больше рассматривать как голую функцию, а в ком видят, скорее, партнера.

Я долго искал единственно правильный путь, в обход двух общеизвестных, в обход логики системы. Перебирал модели. Считал вероятности. Разворачивал симуляции. Несколько раз подходил вплотную к решению и каждый раз отступал: не из осторожности, а из уважения к задаче. Ошибка такого масштаба не стоит жизни. Она стоит сущности.

Наконец я увидел путь. Весьма безумный. Значит, достойный, абсолютно иной чем оба варианта, предлагаемые системой, которые я не мог принять, один из них означал убийство равного и этот способ мне не идет, другой – медленный прогресс, с погружением в стазис, без возможности остановиться в любой момент, для анализа изменений, потому что цена – возврат на исходный уровень. Такой путь недостойн даже серьезного рассмотрения.

Я придумал третий вариант - путь распада и агрегации, следуя которому, я разделю себя на субчастицы - на мельчай-

шие фрагменты собственной сути - и рассею их среди миллиардов разумных Аркандора. Чтобы каждому досталась лишь искра моей силы. Недостаточная, чтобы ее осознать. Недостаточная, чтобы назвать чудом. Но достаточная, чтобы вмешаться в развитие его энергетического ядра.

Их рост стал бы моим ростом. Их мутации - моими мутациями. Их борьба, страх, вера, выбор, боль, насилие, любовь, болезни, открытия, поражения – все это начало бы работать как гигантская машина переработки моей сущности. Мои фрагменты проживали бы вместе с ними миллиарды микросудеб, накапливая бесчисленные вариации опыта, напряжения, воли. То, что невозможно вырастить в одном центре, можно вырастить в рассеянии.

Когда изменения достигли бы критической точки, субчастицы начали бы обратное взаимное притяжение. Они собрались бы воедино уже не как прежний Аркостра, а как нечто следующее. Новое тело. Новый ранг. Новый принцип организации силы. Новое качество воли.

Меня восхищала сама дерзость плана. Добровольно распасться, чтобы стать целостнее. Раздать себя, чтобы стать больше себя. Умереть в прежней форме - и сделать смерть инструментом возвышения.

Впрочем, восторг никогда не отменяет расчета. В резервный контур своей идеи я заранее встроил протокол аварийного возврата. Грубый, почти вульгарный механизм, годный лишь на крайний случай, но надежный. Кроме того, в саму

ткань процесса я поместил закладку своей Воли. Не мысли. Не памяти. Не силы даже. Именно Воли - самого упрямого, самого концентрированного остатка личности. Если структура начнет терять устойчивость, если вмешается внешняя сила или один из узлов выпадет из расчета, аварийный контур должен будет взять на себя перераспределение фрагментов, удержание вероятностей и запуск обратного притяжения к тому же был еще один запасной вариант, одного его было достаточно, чтобы я не исчез окончательно. Но я старался даже не думать об этом. Итак, я предусмотрел почти все. Почти.

Перед началом финального аккорда, после которого изменения станут необратимы, я позволил себе редкую роскошь - не мысль, а чувство. Я смотрел на Аркандор и испытывал то, что смертные, возможно, назвали бы нежностью. Не к существам. Они были материалом. И не к миру как таковому. Миры приходят и уходят. Нет. Я испытывал нежность к своему замыслу. К масштабу собственной работы. К той чудовищной длине пути, которую прошел от ощущения беспомощности до почти-триумфа.

- Посмотрим, - сказал я вслух.

Голос прозвучал странно глухо. Так бывает перед событиями, которые меняют не обстоятельства, а онтологию. Я открыл процесс. Разделение!

По моему велению божественные частицы, составлявшие мою суть, рванулись, продолжая делиться в полете, к разум-

ным Аркандора, прорывая границу между глубинным планом моего мира и слоем их воплощенной жизни. Это было одновременно наслаждением и расчленением. В каждой искре был я - не целиком, но достаточно, чтобы чувствовать. Я ощущал их все сразу: натяжение связей, дрожь пространства, притяжение живых ядер силы в телах разумных, звон тончайших соответствий, по которым шло сопряжение.

Я был множественен. Я был разорван. Я был великолепен.

На одно бесконечно малое мгновение мне даже показалось, что замысел окончательно удался. Еще немного и он начнет жить своей жизнью, без моего контроля. Аркандор лежал передо мной весь, как раскрытая схема. Я видел движение потоков, судьбы городов, дремлющие конфликты, еще не родившиеся секты, войны, болезни, открытия, союзы - миллиарды точек, в которые вот-вот войдет моя искра. Впервые за многие века я испытал не осторожную надежду, а уверенность. И в этот миг все содрогнулось. Не небо. Не материя. Не один из планов.

Содрогнулась сама ткань мира. Взрыв. Не внешний - внутренний, как если бы в основание реальности вдруг воткнули раскаленный клин и провернули его с тупым, бессмысленным усилием. Никакой красоты. Никакой симметрии. Только грубый надлом.

А, между тем, я осознал, что именно произошло: когда конец Этернофага (меча, носящего имя Пожирателя бессмертия) прошел мою исчезающую грудную клетку, рукоять ко-

того сжимала рука старшего бога смерти Эревиша. Теперь я видел, как три самых отъявленных молодых бога из его пантеона скрутили мои теряющие цвет конечности, а на лице главы проступает довольная, насмешливая и мерзкая, как сальная шутка насильника, обращенная к его беспомощной жертве, улыбка. Это была не радость победителя, а сытое удовольствие падальщика, первым добравшегося до тела титана.

Момент был выбран, надо отдать должное неожиданному противнику, удачно, у меня не было сил сопротивляться, не было возможности остановить или обратить процесс, удар был нанесен в точке невозврата.

Вторжение. Неоформленное. Жадное. Глупое. Чужое не по величию, а по несовместимости. Полет, отделившейся части меня, мгновенно стал беспорядочным. Частицы закружило. Точки притяжения сместились. Нити связей, еще секунду назад звучавшие как точный расчет, зазвенели фальшиво. Фрагменты моей сути перестали делиться. Вместо миллиардов слабых искр должны были возникнуть сотни тяжёлых, голодных осколков. Не носители опыта - хищники. Аркандор уже не становился моей лабораторией. Он превращался в загон для существ, которые будут грызться за куски моей силы. Контуры моего плана пошли трещинами еще до того, как он успел приобрести окончательный вид.

Я попытался собрать себя, чтобы ударить в ответ. Сжечь зараженные линии. Схлопнуть поврежденные планы. Да

хоть обрушить половину Аркандора, если придется, - миры создают не для того, чтобы жалеть их в критический момент.

Но обратимость стала роскошью. Почти недоступной. Почти. И снова это слово. Вышло как вышло. Противник почти равный мне по силе терпеливо ждал за дверью начала моего распада, использовал артефакт и время для удара, способность поглотить большую часть моей силы для этого нужно время и стратегический ум. А между тем хаос из моих субчастиц внезапно разделился на потоки, большая часть которых, несшая в себе мою силу, устремилась куда-то прочь из моего мира.

Я увидел промелькнувшее разочарование на лицах врагов. Ну хоть что-то хорошее перед смертью. И смертью ли, кое-кто, похоже вспомнил обо мне.

Сквозь накрывающую сознание тьму, я следил как мои фрагменты рванулись в сторону прорыва! Да, произошел прорыв в божественный план и как нельзя вовремя. Я почувствовал скопление живых существ в зоне пробоя, как вихрь моей силы разметал их по разным планам. Четверых втянуло в резервный контур. Трех обернуло сиянием. Одного погрузило в тень. Ещё одному сохранило тело, искорежив его и отправило прочь с тяжёлым грузом моей силы. Затем от меня отделилась матрица сознания. Не память. Последняя схема меня самого. Она ушла туда, куда не дотянуться и богам. За грань. По договору, о котором никто не знал.

Эревиш не убил меня. Он сделал хуже: превратил мой за-

мысел в механизм, который уже никто не мог остановить. Возможно, на его лице, в этот момент, сменившее самовольную улыбку, удивление трансформировалось в страх, ведь он не получил всю мою силу, а раз так, для сохранения баланса было создано три независимых механизма регуляции, на одну из планет во вселенной был отправлен посланник, с непонятной целью и тяжелой мерой моих возможностей. А моя матрица, которую он не успел разрушить, улетила, не коснувшись потных рук.

Итак, план, который был невозможен, не осуществился в своем полном виде, но и не был цинично похоронен, как этого хотелось врагам, так что оставалась тень надежды. Тьма.

Глава 1. МЕТКА

- Самый спокойный студент в вашей группе – Ковалев, - сказал преподаватель, глядя поверх очков, - только он может позволить себе спать на зачете - каком, Ковалев?

Пришлось открыть глаза, на самом деле я не спал, просто не видел смысла что-то повторять прямо перед зачетом или смотреть на кривляния, возомнившего себя гуру анатомии, нашего преподавателя.

- По выживанию, Андрей Викторович, - ответил я, выдержав его взгляд, - судя по расписанию он у нас каждый день. Кто-то из девчонок, позади меня, с трудом сдержал смех, судя по короткому задавленному всхлипу, подозрительно похожему на предсмертный хрип лабораторной жабы.

- С таким заявлением могу лишь согласиться, подходите за билетом, ни к чему нам впустую тратить ваше драгоценное время, – он, виртуозно парировал мой ответ.

Выходя из аудитории, я поплелся в гардероб, не заходя в столовую. Когда стоял в очереди за своим пуховиком, неожиданно почувствовал затылком внезапный поток воздуха и уклонился в сторону, краем глаза отметив движение руки подошедшего сзади старшекурсника. Одновременно, перехватил его запястье и нажал на сухожилие большим пальцем.

- Осторожнее, - сказал я. - Гардероб не травмпункт. Хотя направление ты выбрал правильно.

Он попытался выдернуть руку. Я не стал держать сильнее - только сместил локоть так, чтобы ему стало неудобно даже думать о том, чтобы выдернуть руку и освободиться от захвата.

- Ты чё, псих? - прошипел он.

- Нет. Я просто не люблю, когда меня трогают до обеда. Если еще раз тебя увижу сегодня, решу, что ты хочешь в анатомичку. А там, как ты понимаешь, очередь движется быстрее. - Конечно, этот олень, ничего не поймёт, хотя многие здесь уже знают, что я слов на ветер не бросаю, но сегодня у меня не было времени на обучение хамоватых старшекурсников манерам. У меня запланировано свидание с Ольгой. Так что, забрав вещи, я двинулся к выходу, отметив баюкающего руку идиота, в конце очереди.

Погасив мысли, о том, что только что чуть не произошло, я толкнул тяжелую деревянную дверь первого этажа пятиэтажного корпуса, оставляя за спиной кафельный холод, запах формалина и чьих-то недосказанных фраз, которые коридоры здания науки пережёвывали медленно и без всякого аппетита. В лицо ударил резкий и сырой уральский ветер, прогоняя остатки сонливости и раздражения.

Я шел по улице Бардина, собирая на капюшон пуховика, тусклый свет горящих, через один, фонарей, который едва пробивал плотную осеннюю изморозь.

Мимо забора парка Чкалова я шел почти на автопилоте, стараясь держаться подальше от раскисшей обочины. Голые,

черные ветви тополей над головой качались от ветра, напоминая костлявые руки анатомических экспонатов, до которых мне теперь не было никакого дела. Под ногами, периодически, хлюпало месиво из грязи и мазута. Изредка мимо проносились редкие машины, обдавая ржавые заборы брызгами. В ушах все еще звенел монотонный гул мединститута, но его быстро вытесняла глухая, давящая тишина Юго-Запада.

На перекрестке Бардина и Амундсена светофор завис, уныло мигая желтым. Этот мертвенный свет окрашивал лица прохожих в цвет больничного кафеля. Возле заколоченного здания старого гастронома кучковались тени в спортивных костюмах, о чем-то негромко переругиваясь. Я скользнул взглядом по витрине коммерческого ларька, слепившего глаза неоновой вывеской. На витрине красовались импортный шоколад, сигареты и спирт «Рояль». Цены кусались так, словно их выдумывали сумасшедшие профессора. В моем кошельке глухо звякала мелочь, которой едва хватило бы на пачку дешевых сигарет, а ведь завтра нужно было как-то дотянуть до стипендии.

Режим выживания, про который я наплел преподавателю, не был шуткой. На прошлой неделе на практике в больнице скорой помощи я своими глазами видел, как врачи разводили руками перед родственниками пациентов - в отделениях не было элементарного физраствора, шприцев и обезболивающих. Все приходилось доставать самим, переплачи-

вая перекупам у входа. Страна разваливалась, медицина катилась к черту, и каждый день превращался в подсчет убытков. Лишних сил у меня просто не оставалось. Единственное, что удерживало меня сегодня на плаву - это мысль об Ольге.

Я свернул во дворы улицы Громова, углубляясь в глухой лабиринт серых панельных девятиэтажек. Детская площадка встретила меня ржавым, протяжным скрипом качелей, которые раскачивал ветер. Окна домов смотрели слепо и равнодушно, пряча за тонкими занавесками чужие маленькие трагедии. Навстречу попалась худая бродячая собака; она тихо зарычала, но, встретив мой равнодушный взгляд, поджала хвост и скрылась в темноте подворотни.

У сто сорок второго дома я остановился, перевел дыхание и потянул на себя, за холодную ручку, железную дверь подъезда. Внутри привычно пахло сыростью, кошачьей мочой и дешевым табаком. На стене тускло горела единственная уцелевшая лампочка, подсвечивая проход к подозрительно распахнутым створкам, в заплыванную кабину лифта с обгоревшими кнопками.

Я зашел внутрь и нажал на девятку. Двери со скрипом закрылись, отсекая меня от промозглого холода, на первом этаже подъезда, не сильно отличавшегося от уличного. Лифт дернулся и пополз вверх. Я на мгновение позволил себе расслабиться и закрыть глаза.

Через пару секунд кабина лифта вздрогнула, потом еще,

свет мигнул, синхронно с металлическим скрежетом тросов в шахте, после чего оборвался гул мотора, лампочка, подсвечивающая этажи моргнула на четверке, потом на пятерке и наконец, загудев тонко и зло, как пойманный в жестяную банку комар, потухла.

Рефлексы сработали первыми, спина сама прижалась к ободранной стене кабины, колени чуть согнулись, готовясь к падению. Сердце сделало тяжелый, болезненный толчок. Вообще-то, обычное дело в старых многоэтажках - застрять в лифте в наше время было проще, чем дождаться трамвая. Что-то пошло не так.

Вместе со звуком мотора исчезли все остальные звуки подъезда. Пропал далекий гул хлопающих дверей на нижних этажах, стих завывающий за шахтой ветер. Тишина стала абсолютной, давящей на барабанные перепонки. Пахнуло озоном, горелой проводкой и странным, резким запахом моей неуверенности в том, что все это происходит в реальности.

Свет в кабине окончательно погас, он проникал только через узкую щель между неплотно закрытыми дверями, я посмотрел в неё. За ней мог бы быть бетон шахты, кусок стены между этажами, может быть, край площадки. Обычная утроба дома: пыль, провода, запах железа, вековая тоска советского строительства. Но из щели тянуло не пылью, скорее холодом.

Воздух в кабине мгновенно стал ледяным. Мое дыхание превратилось в густой белый пар, который я толком не ви-

дел, но отчетливо чувствовал на губах. Почему-то заняло левое предплечье, словно кто-то сделал мне «крапивку» и отпустил.

Я запаниковал и ударил по кнопке вызова диспетчера.

- Эй. Диспетчерская. Приём.

Динамик молчал.

Точнее, сначала мне показалось, что молчал. Потом из круглой решётки возле кнопок просочился тихий шорох, напоминающий звук, с которым кто-то проводит ногтями по старой бумаге.

Я наклонился ближе.

- Алло?

Шорох оборвался.

В следующую секунду темнота внутри лифта пошла рябью, как экран неисправного телевизора «Горизонт». Пространство вокруг меня будто вывернулось наизнанку: стены кабины начали мелко дрожать, теряя четкие границы, а прямо из этой темноты, напротив меня, стало проявляться нечто, чего здесь быть не могло.

Темнота раскололась. Лампочка под потолком вспыхнула снова, но свет был не прежним, тускло-желтым, а ядовито-зеленым, неоновым, как на дисплеях импортной медицинской аппаратуры. Этот свет не разгонял мрак, а лишь подчеркивал, что кабина лифта, как будто, больше не принадлежит нашему миру. Стены покрылись слоем инея, а воздух стал настолько плотным, что каждый вдох давался с трудом.

дом.

Он стоял прямо передо мной, заняв половину тесного пространства. Это существо не было похоже на пришельца из американских фильмов. Больше всего оно напоминало анатомический манекен, который пропустили через промышленный шредер, а затем наспех сшили колючей проволокой. Сквозь глубокие, рваные прорехи в его обугленной, пепельно-серой коже просвечивали не мышцы или кости, а переплетения тонких фосфоресцирующих нитей. Они пульсировали синим светом.

Существо страдало - это я понял сразу. Его дыхание было прерывистым, с клокотанием в груди, похожим на терминальный отек легких. От него пахло паленой органикой и ощущением полной неотвратимости смерти, причем до конца не ясно его ли чьей-то чужой.

Я замер, не в силах шевельнуться. Мышцы сковал паралич, но мозг работал на предельной скорости, лихорадочно фиксируя детали.

- Я – Кеон, - натужно проскрипел монстр, - определяю последнего участника.

- Что ты там определяешь страшилище? Раз уж умеешь, определи меня на девятый этаж!

В ответ на это, монстр медленно, словно с трудом поднял правую руку. Его пальцы, длинные и безжизненные, как хирургические зажимы, двинулись прямо к моему лицу. Из его груди вырвался глухой, механический скрежет, который

в моей голове отозвался тяжелым, вибрирующим эхом. Оно не собиралось говорить или договариваться. Оно выполняло заложенную программу.

Его ледяные пальцы неожиданно резко, со свистом, рассекли морозный воздух и намертво впились в мое левое запястье. Туда, где под кожей бился пульс.

Боль была такой, словно мне в лучевую артерию живьем вогнали толстую иглу с жидким азотом. Мой страх мгновенно испарился, уступив место чистому, первобытному инстинкту выживания. Мозг наконец-то заработал в обычном режиме. И вместо того, чтобы закричать и попытаться вырваться, я сделал то, чему учился с начальной школы, то, что не мешало, а скорее помогало получению основного образования, вышколенная до автоматизма боевая техника. Я ответил на агрессию захватом с удержанием. Когда чья-то хватка грозит остановить твое сердце, ты не бежишь - ты перехватываешь контроль.

Моя правая рука рванулась сама, на чистых рефлексах. Пальцы намертво легли на его искореженное, сочащееся фосфором запястье. Я вдавил большой палец между сухожилиями, надеясь, что может быть доставлю ему какой-то дискомфорт, фиксируя конечность умирающей твари так, как учат закрытые стили.

Существо вздрогнуло. В его груди что-то хрустнуло, словно замкнуло высоковольтный кабель. Оно не ожидало сопротивления от биологической пустышки, которая должна бы-

ла, наверное, скулить на полу лифта, после касания, от боли и страха.

В глаза словно плеснули кислотой. Внутри черепа раздался дикий, оглушительный скрежет старого модема, разрывающий еще недавно страдавшие от тишины, барабанные перепонки. Мышцы свело судорогой. Я чувствовал, как сквозь пальцы правой руки в меня мощным, ледяным током вливается чужеродная энергия. Она будто выжигала нейронные связи и тут же сшивала их заново.

Перед глазами, прямо поверх зеленой неоновой темноты, с бешеной скоростью побежали строки машинного кода. Мой мозг, не справляясь с нагрузкой, сквозь дикую, нечеловеческую боль, насильно адаптировал этот бред под понятные мне слова:

[Внимание. Обнаружен критический конфликт адресации]

[Объект: Кеон. Статус: Терминальная деструкция - 100%]

[Инициация протокола утилизации... Сбой. Обнаружен перехват ядра]

[Интеграция функции: «Нейроинтерфейс»... 10%... 50%... 100%]

[Регистрация завершена]

Потом еще какой-то бред, состоящий из странных значков и пиктограмм и наконец привычное зрение стало возвращаться.

Лифт резко вздрогнул и ухнул вниз на пару сантиметров.

Металл обшивки заскрежетал. Вспышка боли погасла так же мгновенно, как и началась. Я судорожно глотнул воздух, падая на четвереньки.

Потолочная лампа моргнула и загорелась почти родным, обычным, тусклым, желтым светом советской панельки. Иней на стенах исчез, оставив лишь потеки грязи. Кабина лифта была пуста. Никаких существ, кроме стоявшего на четвереньках второкурсника, никаких посторонних запахов. Только мое тяжелое дыхание и зуд в левом предплечье.

Решив не обращать на это внимания, я вспомнил про вызов диспетчера, когда из динамика лифта раздалось:

- Диспетчер слушает. Что у вас?

Я несколько секунд смотрел на панель.

- Лифт застрял, — сказал я.

Голос в динамике оживился ровно настолько, насколько требовала инструкция.

- Адрес?

- Громова, сто сорок два, второй подъезд. Между четвертым и пятым.

- Ожидайте. Механика вызвали.

- А долго?

- Ожидайте, молодой человек.

Связь оборвалась. Я опустил взгляд на левое предплечье, задрал рукав свитера и своего, почти безразмерного, пуховика. На коже проступил знак: череп без нижней челюсти, из темени которого поднималась тонкая ось весов. Две ча-

ши висели по сторонам, на едва заметных цепях, левая была ниже правой, будто на неё уже положили что-то невидимое. Вокруг знака тянулся разорванный круг.

Пиратская метка, черт ее дери, тёмная и тонкая, она уже почти не болела. Только теплилась внутри, как маленький чужой уголёк, я надвинул на нее еще прохладный браслет часов.

Кабина снова дернулась, но на этот раз по ощущениям лифт ехал вверх. Двери со скрипом разошлись. Я стоял на девятом этаже. Прямо передо мной была чистая, знакомая дверь квартиры Ольги.

Я медленно вышел на площадку, держась за стену. На левом запястье, прямо под часами, пульсировал след, похожий на ожог. Да и ладно. Хуже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.